

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧАСТИЙ В ПЕРСИДСКОМ, РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

А.Ф. Кудзоева
Е.С. Качмазова
М. Шафаги

В лингвистике причастием принято называть нефинитную форму глагола, обозначающую признак имени, связанный с действием, и выполняющую атрибутивную функцию. Таким образом, причастие совмещает признаки глагола и прилагательного. «Глагольность» причастия проявляется в наличии у него характерных для глагола категорий времени, вида и залога, а также способности сочетаться с именами по глагольному типу. К прилагательным причастием приближают такие признаки, как наличие у него категорий рода (в некоторых языках), числа и падежа и способность выполнять типичную для прилагательного синтаксическую функцию определения и именной части составного сказуемого. Двойственная природа причастия дает основание для разных мнений относительно его семантико-грамматического статуса. Хотя большинство лингвистов в русистике, осетиноведении и иранистике относят причастие к вербоидам, имеются и другие точки зрения. Выбор темы статьи обусловлен тем, что, во-первых, причастие во всех трех языках (персидском, русском и осетинском) является наименее четко описанной морфологической формой; во-вторых, представляет определенный научный интерес квалификация и анализ указанной морфологической формы в языках одной (индоевропейской) семьи, тем более что два из них – осетинский и персидский – представляют одну языковую группу, в-третьих, есть основание полагать, что морфология осетинского языка, в частности, категория глагола, сохранила свои исконные индоевропейские черты, что наглядно показывает сравнительный анализ осетинского причастия с русскими и персидскими. Сопоставление причастия в трех языках дает возможность определить наименее изученные аспекты этой глагольной формы и наметить пути и методы их дальнейшего исследования.

Ключевые слова: нефинитная глагольная форма, русский язык, персидский язык, осетинский язык, страдательные причастия, пассивные конструкции, транспозиция причастий.

In linguistics the participle is commonly referred to a nonfinite form of the verb denoting the sign of a name, related to action and performs an attributive function. Thus, the participle combines the features of a verb and an adjective. "Verbal" nature of participial forms is confirmed by a set of characteristic features of the verb shared: categories of tense, of voice and of aspect. Such features of participle as category of gender (in some languages), singular and plural forms, category of case bring it closer to an adjective, as well as capability to function as an attribute and be part of a compound-nominal predicate. The dual nature of a participle gives ground to different opinions about its semantic and grammatical status. Though most of linguists in Russian studies, Ossetian studies and Iranian studies refer participle to verbal forms, there also exist differing opinions about its categorization. The choice of the theme of the article is due, firstly, to the fact that participle is the least extensively described morphological form in all three languages (Persian, Russian and Ossetian); secondly, qualification and analysis of indicated morphological form in one (namely, Indo-European) language family is of scientific interest, as two of them Ossetian and Persian represent one linguistic group, thirdly, we have reason to believe that morphology of Ossetian, in particular, the category of a verb retained its original Indo-European features that comparative analysis of Ossetian participle

with Russian and Persian confirms. The comparison of participles in these three languages gives us opportunities to identify less studied aspects of the verbal form and define the ways and methods of the further study.

Keywords: *nonfinite verb form, Russian, Persian, Ossetian, passive participles, passive constructions, transposition of participles.*

История изучения нефинитной глагольной формы, совмещающей в себе признаки глагола и прилагательного, насчитывает в русистике, иранистике, осетиноведении не одно десятилетие, однако причастие до сих пор остается одной из наименее полно описанных морфологических форм. Существуют разные точки зрения как на статус причастия, так и на его типологию. К примеру, А.М. Пешковский усматривал в причастии «смешанную часть речи» [1], В.В. Виноградов рассматривал его как «гибридную глагольно-прилагательную форму» [2], Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов считают причастие самостоятельной частью речи [3].

Единого мнения относительно частеречной природы причастий нет и в осетиноведении. Н.К. Багаев называет их «именными формами глагола» [4, 350-356]. «Грамматика осетинского языка» относит к неспрягаемым формам глагола [5, 268-271]. Е.С. Качмазова усматривает у причастия признаки «самостоятельной части речи, возникающей одновременно с именем и глаголом в качестве независимого их посредника (связующего звена) и субститута придаточного предложения» [6, 3]. А.П. Выдрин рассматривает причастия в составе отглагольных дериватов [7, 63].

Иранистика, признавая отглагольную природу причастий, зачастую относит к ним не только собственно причастия, но и субстантивированные, адъективированные и адвербиализированные глагольные образования [8]. Это подчеркивает и Ю.А. Рубинчик, рассматривающий персидское прича-

стие как нефинитную форму глагола [9, 269-290].

Таким образом, можно утверждать, что во всех трех языках преобладает мнение об отглагольной природе причастий – особого рода вербоидов. При этом причастиями в русском языке принято называть следующие глагольные формы: 1) с суффиксами *-ущ / -ющ* или *-ащ/-ящ* (действительные причастия настоящего времени); 2) с суффиксами *-вш* или *-ш* (действительные причастия прошедшего времени); 3) с суффиксами *-ем* или *-им* (страдательные причастия настоящего времени); 4) с суффиксами *-н* или *-т* (страдательные причастия прошедшего времени). То есть в русистике традиционно выделяются действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. В основе такой трактовки лежит морфологическая форма слов, точнее, тип суффикса и выражаемые с его помощью значения: «В зависимости от того, представлен ли причастием признак как активный, то есть как характеризующий по производимому действию, или как пассивный, то есть характеризующий по испытываемому действию, все причастия делятся на *действительные и страдательные*» [10, 665]. Однако семантические и синтаксические свойства причастий не всегда соответствуют данному принципу классификации. К примеру, причастия *умывающийся, умывавшийся* имеют в своем составе типичные для действительных причастий суффиксы *-ущ* и *-вш* и в то же время постфикс *-ся*, характерный для страдательных причастий. Другой

пример: причастия в словосочетаниях *сгоревшие дрова* и *сожженные дрова* должны быть определены как действительное в первом случае и страдательное во втором, хотя в обоих случаях речь идет об испытываемом, пассивном действии.

Еще более уязвима классификация причастий по синтаксическому принципу, в соответствии с которым действительными являются причастия, при помощи которых релятивизируется позиция подлежащего, в то время как позиция дополнения релятивизируется при помощи страдательных причастий. Так, предложение *Книга, прочитанная мной прошлым летом* соотносится с двумя неосложненными предложениями: *Прошлым летом я прочитал книгу* и *Книга была прочитана мной прошлым летом*. При этом в первом случае причастие следует трактовать как действительное, потому что при его помощи релятивизируется позиция подлежащего, а во втором – как страдательное.

Несколько иная картина в осетинском языке. Как в грамматиках, так и в исследованиях, посвященных описанию осетинского глагола [4; 5; 6; 7; 11; 12; 13] речь идет о причастиях настоящего, прошедшего и будущего времени, не имеющих категории залога. В основе деления причастий на формы настоящего, прошедшего и будущего времени лежит тип суффикса: настоящее время оформлено суффиксами *-аг*, *-æг*, *-гæ*; прошедшее время – суффиксами *-д*, *-т*, *-ст*, *-ыд*, *-ад*; показатель будущего времени – суффикс *-инаг*. Надо отметить, что суффиксы *-аг*, *-æг*, *-гæ* не всегда собственно причастные и могут образовывать также прилагательные, отглагольные существительные (*-аг*, *-æг*: *быдираг* – *полевой*, *хъæуккаг* – *сельский*, *кауаг* – *плаксивый*, *фыссаг* – *писатель*, *кусаг* – *работник*) и наречия (*-гæ*:

бадгæ баззадис – *сидя остался*, *худгæ бацыдис* – *смеясь зашел*). Это сближает осетинское причастие с персидским: «Что касается ...причастий настоящего времени, образованных при помощи суффиксов *-ande*, *-ān*, *-ā*, а также причастия долженствования, образованного от инфинитивов с помощью суффикса *-i*, то одни исследователи включают их в число причастных форм, другие рассматривают как прилагательные и существительные, а названные выше морфемы относят к обычным деривационным суффиксам. При этом двойственная природа таких образований – связь с глаголом и именами – признается всеми грамматистами» [9, 269].

Таким образом, в русском языке выделяются два вида причастий – действительные (настоящего и прошедшего времени) и страдательные (настоящего и прошедшего времени). В осетинском и персидском языках нет деления причастий по залогу, в основе классификации – категория времени. В современном осетинском языке уже традиционно выделяются причастия настоящего, прошедшего и будущего времени, а в персидском языке – причастия настоящего времени, причастия прошедшего времени и причастия долженствования [9, 269].

Остановимся более подробно на осетинских причастиях будущего времени и персидских причастиях долженствования. Как подчеркивает Э.Б. Сатцаев, «в отличие от многих новоиранских языков, осетинский не сохранил все богатство древнеиранских глагольных форм... Но те формы, которые сохранились, относятся к иранскому типу» [14, 358].

Почти во всех указанных работах, рассматривающих разные аспекты категории осетинского глагола или собственно причастий, выделяются прича-

ствия будущего времени, причем «маркером» этой формы причастий назван суффикс *-инаг*. Исключение составляют «Современный осетинский язык» Багаева и «Осетинский глагол» Выдрин. Хотя Багаев утверждает, что «именные формы на *-æг*, *-д*, *-т*, *-ст*, *-ад*, *-гæ*, *-инаг* часто соответствуют причастиям русского языка» [4, 251], однако, описывая далее значения, которые выражают «отглагольные имена на *-инаг*», он не дает примера их соответствия причастиям, но отмечает, что данные глагольные формы подвергаются субстантивации и адъективации, то есть по сути представляют собой отглагольные существительные и отглагольные прилагательные и имеют синтаксическую функцию именной части составного сказуемого; кроме того «форма на *-инаг* от переходных глаголов в сочетании с личными формами вспомогательного глагола *уæвын* образует пассивный оборот» [4, 352]. Не подвергая сомнению вывод о возможности субстантивации и адъективации этих глагольных форм, все же считаем, что изначально они представляют собой причастия будущего времени. На это указывают выражаемые ими значения долженствования, необходимости или намерения произвести в будущем действия, выражаемые исходным глаголом. Так, от переходного глагола *æлвисын* – *прядь* образуется причастие будущего времени *æлвисинаг*: *æлвисинаг къуымбил* – *подлежащая (в будущем) прядению шерсть*. Причастие, будучи оторванным от имени, легко субстантивируется и приобретает все категориальные признаки существительного: *æлвисинаг* – *то, что подлежит прядению*; *æлвисинагтæ* (мн.ч.) – *множество чего-либо, подлежащее прядению*; *æлвисинагтæн* (дат. п.) – *некоему множеству чего-либо, подлежащему прядению*.

Выдрин, признавая наличие в осетинском языке причастия будущего времени, выделяет в нем, однако, не суффикс *-инаг*, а суффикс *-аг*, а элемент *-ин* в *-инаг*, по мнению ученого, представляет собой не что иное, как фонологически измененный показатель инфинита *-ын* [7, 73-74]. В качестве аргумента Выдрин приводит тот факт, что во многих иранских языках причастие будущего времени образуется по схеме инфинитив + специальный суффикс: «в персидском *kard-an* ‘делать’ (делать-INF) – *kard-an-I* ‘то, что нужно сделать’ (делать-INF-SUF)» [7, 73-74]. Отметив наличие эпентетического *-й* внутри инфинитивного суффикса *-ин* при образовании причастия будущего времени в дигорском диалекте осетинского языка и того же эпентетического *-й* в иронском перед суффиксом *-аг* в именах с исходом на *-н*, ученый предполагает, что «в иронском диалекте причастие будущего времени изначально выглядело как «основа настоящего времени глагола + *ыйн-аг* / *-ийн-аг* (INF-SUF), а затем уже преобразовалось в современное «основа настоящего времени глагола + *ин-аг* (INF-SUF)» [7, 74].

Справедливости ради надо отметить, что Багаев так же понимал природу элемента *-инаг*: «*-инаг* (из *ы-й-н+аг*)» [4, 350].

Причастия будущего времени в осетинском языке обычно обозначают 1) объект действия, которое необходимо совершить или 2) субъект, намеревающийся совершить действие: *æфснаинаг уат* – *комната, которую необходимо убрать*; *æфснаинаг дæн* – (я) *намереваюсь убирать* (букв. я есть намеревающийся убирать).

В первом значении причастие будущего времени выполняет функцию определения или именной части составного сказуемого: *æфснаинаг уат*

наем наей – у нас нет комнаты, которую необходимо убрать (æфснаинаг – определение); мае уат æфснаинаг у – моя комната подлежит уборке, мою комнату необходимо убрать (æфснаинаг вместе с финитной формой глагола уæвын (у) образует составное сказуемое).

Во втором значении причастие будущего времени употребляется в пассивной конструкции. Багаев выделяет «пассивные формы» с вербоидом на *-инаг*, образующиеся при помощи финитных форм глагола *уæвын* (с приставкой *фæ-* или без нее) и обозначающие действие, которое необходимо выполнить (*æрвити́наг у – подлежит отпра́вке*), необходимо было выполнить (*æрвити́наг уы́дис – подлежало отпра́вке*), необходимо будет выполнить (*æрвити́наг уы́дзæнис – будет подлежать отпра́вке*) или оказалось в состоянии необходимости выполнения (*æрвити́наг фǽцис – оказался в таком состоянии, что подлежит отпра́вке*).

Выдрин выделил две разновидности пассивных конструкций с причастиями будущего времени – пассивно-долженствовательную конструкцию и проспективную конструкцию [7, 54–56, 73–76]. Пассивно-долженствовательной ученый назвал конструкцию, состоящую из причастия будущего времени на *-аг*, чаще всего образованного от переходного глагола, и вспомогательного глагола *уæвын* или «хабитуального глагола бытия *вæййын*» [7, 54].

Пассивно-долженствовательная выражает, в основном, значение внешней необходимости: *мае уат æфснаинаг у – моя комната нуждается в уборке; мае уат æфснаинаг вæййы – моя комната обычно нуждается в уборке*. Обозначение субъекта действия в таких конструкциях или не нужно вообще, или выражающее его имя имеет форму дательного падежа: *уат ма́нæн æфсна-*

инаг у – комната нуждается в моей уборке (должна быть убрана мной); уат ма́нæн æфснаинаг вæййы – комната обычно нуждается в моей уборке (букв. должна бывает быть убранной мной). Следует отметить, что для субъекта действия, выраженного энклитическим местоимением, характерна форма не датива, а генитива: *уат ме ‘фснаинаг у, уат ме ‘фснаинаг вæййы*.

Что касается другой пассивной конструкции, определенной Выдриным как «проспективная», то она также состоит из причастия будущего времени на *-аг* и финитной формы глагола *уæвын* (только в настоящем или прошедшем времени), однако «активный участник при этом маркируется номинативом и согласуется со вспомогательным глаголом в лице и числе. Образование проспективной конструкции возможно от любого типа глаголов: непереходных, переходных, простых, сложных, превербных и каузативных» [7, 74]. Действительно, субъект действия, если он вообще материально представлен отдельной словоформой (в чем нет необходимости, так как на число и лицо активного деятеля указывает форма глагола), выражен номинативом: *мае уат æфснаинаг дæн – (я) намерен убирать свою комнату; æз мае уат æфснаинаг уы́дтæн – я намеревался убрать свою комнату*.

Ф.Д. Техов утверждает, что пассивные конструкции с субъектом действия, выраженным номинативом (проспективные конструкции), имеют значение долженствования [13, 83]. Действительно, все пассивные конструкции семантически неоднозначны, и некоторые из них, помимо основного значения намерения (совершить какое-либо действие), могут иметь значение долженствования. Именно это, по нашему мнению, сближает осетинские

причастия будущего времени с персидскими причастиями долженствования, которые называют также причастиями будущего времени. «Двойное наименование связано с теми семантико-грамматическими значениями данного глагольного образования, которые, с одной стороны, заключают в себе модальность, выражая долженствование, необходимость, желательность, возможность совершения действия, а с другой – содержат значение будущего времени, тесно связанное с этой модальностью» [9, 285]. Практически эти же значения в той или иной мере выражают, в том числе, и осетинские пассивные конструкции. К примеру, в конструкции *Æз ма уат æфснаинаг дæн* – Я намерен убить свою комнату выражена модальность – гипотетическая реальность, желательность, а также необходимость и возможность совершения действия (если я намерен что-то сделать, значит, у меня есть желание сделать это и существует реальная возможность выполнения этого действия).

Отличие между осетинскими причастиями будущего времени и персидскими причастиями долженствования состоит в том, что причастия долженствования могут быть образованы не от всех глаголов. Что касается пассивных конструкций в персидском языке, то сказуемые в них выражены не причастиями с вспомогательными глаголами, а глаголами пассивного залога или сложными глаголами с пассивным значением [9, 261]. Таким образом, есть основание для сравнения персидских «пассивных конструкций, образованных от глаголов пассивного залога», и с русскими страдательными причастиями.

Если в русском языке страдательные причастия образуются от основ прошедшего и настоящего времени глаго-

лов (не всех) при помощи суффиксов *-нн-* / *-енн-* и *-т-* и окончаний прилагательных и имеют полную и краткую формы [15, 559-560], то персидские причастия не имеют морфологического показателя залога, так как им, в отличие от глаголов, не характерна залоговая оппозиция «действительный залог – страдательный залог». Персидские причастия прошедшего времени, образованные от переходных глаголов, как и осетинские причастия, могут выражать как активное, так и пассивное значение. Активность значения причастий прошедшего времени заключается в том, что они участвуют в образовании аналитических форм глагола (прошедше-настоящего времени, давнопрошедшего времени, прошедше-настоящего длительного времени, прошедшего предположительного времени, пассивного залога), в то время как пассивность значения дает им возможность для активной субстантивации и адъективации [8, 9].

Очень активно подвергаются трансформации и осетинские причастия. Чаще всего они переходят в имена существительные или прилагательные *gofte* – сказавший, сказанное; *baste* – привязавший, привязанное; *арыд* – опаленный (существительное или прилагательное, в зависимости от контекста). Разница заключается в том, что субстантивации и адъективации в персидском подвергаются причастия прошедшего времени, в то время как в осетинском это характерно и для причастий настоящего и будущего времени: *зонгæ адаймаг* – знакомый человек и *маæ зонгæ* – мой знакомый (от причастия настоящего времени *зонгæ*); *зад маæнау* – уродившаяся пшеница; *маæнауы зад* – пшеничный солод (от причастия прошедшего времени *зад*); *хæссиагу аргъ* – ноша, которую предстоит (необходимо) унести; *маæ хæсси-*

наг – моя ноша (от причастия будущего времени *хæссинаг*).

Причастия прошедшего времени в обоих языках могут приобретать и значение наречия: *fešorde-* не только *сжатый*, но и *сжато, кратко*. В осетинском адвербиализации подвергаются, чаще всего, глагольные формы на *-гæ* и *-гæйæ*: *лаугæйæ дзурын* – *говорить стоя*; *бадгæ баззадис* – *остался сидя*. Причастия на *-гæ* чаще всего образуют наречия способом редупликации: причастие на *-гæ* + инфинитив исходного глагола: *бадгæ-бадын* – *сидя* (букв. *сидя-сидеть*). Такая же словообразовательная модель характерна для персидского языка, «когда путем повторения одних и тех же причастных форм образуются сложные слова» [9, 275]. А.А. Вахидов характеризует персидские причастия прошедшего времени как наиболее неустойчивые (оказиональные) транспозиты, переход которых в другие части речи можно фиксировать только в контексте, и отмечает, что вне контекста имеет смысл рассматривать их как сложные слова [8].

Транспонированные причастия (прошедшего времени – в персидском, настоящего, прошедшего, будущего времени – в осетинском) выполняют все синтаксические функции, свойственные существительным, прилагательным и наречиям.

В отличие от русского, в персидском и осетинском языках категория залога выражается не столько морфологически, сколько синтаксически. В персидском языке пассивными конструкциями традиционно называют предложения, в которых логический субъект выражается описательно, с помощью вторичных предлогов (*az, taraf-e, be, vasilе-уеи* др.), которые употребляются с агентивным дополнением. Наиболее полно залоговые отношения

реализуются в пассивной конструкции подлежащее *e+* агентивное дополнение + сказуемое, выраженное глаголом с пассивным значением [9, 262]. В осетинском ей соответствует основная пассивная конструкция, состоящая из подлежащего, причастия прошедшего времени с вспомогательным глаголом *уæвын* или хабитуальным глаголом *вæййын*. В отличие от Выдрина, мы не усматриваем в конструкциях типа *Хæдзар араэзт у* – *Дом построен* возможности наличия агентивного дополнения. В осетинском языке невозможна конструкция *хæдзар араэзт у (кæмæй?)* – *дом построен (кем?)*. В приведенных Выдриным примерах *Хæдзар араэзт у кусджыты хъомысæй* – *Дом построен силами рабочих*; *Йæ диссаджы стыр амонд йæ рæсугъд цæсгомыл хуры тынтæй фыст у* – *Ее необыкновенно большое счастье на ее красивом лице лучами солнца написано аблатив (хъомыс-æй, тын-т-æй)* оформляет не агентивное дополнение, а дополнение со значением орудия: *Хæдзар араэзт у кусджыты хъомысæй* (дом построен силами рабочих) не соответствует конструкции *Хъомыс сараэзта хæдзар* (сила построила дом), как и *Стыр амонд цæсгомыл хуры тынтæй фыст у* (большое счастье на лице лучами солнца написано) не соответствует *Хуры тынтæ цæсгомыл ныфффыстой амонд* (лучи солнца написали на лице счастье). В обоих случаях понятно, что агенс подразумевается, но не называется, то есть осетинские пассивные конструкции, в отличие от персидских и русских, не допускают фактически выраженного агентивного дополнения. Мы имеем в виду так называемую основную пассивную конструкцию. Что касается пассивно-долженствовательных конструкций, то там, как было сказано выше, агентивное дополнение, выраженное существительным или

полной формой личного местоимения, имеет форму датива, а в случае выражения краткой формой личного местоимения оформлено генитивом.

Таким образом, причастие в русском, персидском и осетинском языках является нефинитной глагольной формой, совмещающей признаки глагола и прилагательного, легко поддающейся транспозиции и выполняющей синтаксические функции, характерные для прилагательного, существительного, наречия. Кроме того, причастию в русском и осетинском языках присуща функция компонента именного сказуемого.

В русском языке категория залога выражена морфологически, в персидском – в большей степени синтаксически, а в осетинском – только синтаксически. Страдательные причастия русского языка имеют соответствия в персидском; в обоих языках они имеют формы только настоящего и прошедшего времени. В осетинских причастиях настоящего, прошедшего и будущего времени маркером времени являются

специальные суффиксы. Значение страдательного залога в осетинском языке выражено так называемыми пассивными конструкциями (в современных исследованиях по типологической грамматике осетинского языка выделяется несколько видов пассивных конструкций: основная пассивная конструкция, пассивная конструкция на *-gæ*, модально-пассивные конструкции). Пассивные конструкции персидского языка соответствуют тем же конструкциям русского и имеют агентивное дополнение, в то время как основная пассивная конструкция осетинского языка, в отличие от персидского и русского, не допускает использования агентивного дополнения.

Сравнительно-сопоставительный анализ причастий в русском, персидском и осетинском языках дает основание для вывода об их типологической близости и необходимости более глубокого исследования разных аспектов глагольных форм, в частности, семантики и структуры пассивных конструкций.

-
1. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
  2. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972.
  3. *Шанский Н.М., Тихонов А. Н.* Современный русский язык. В 3-х ч. М., 1987.
  - Ч. 2. Словообразование. Морфология.
  4. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. В 2-х ч. Орджоникидзе, 1969.
  - Ч. 1. Фонетика и морфология.
  5. Грамматика осетинского языка. В 2-х т. / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Т. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963.
  6. *Качмазова Е.С.* Причастие как двуприродная самостоятельная часть речи: истоки и современность (на материале форм индоевропейского, индоиранского, древне-, средне- и новоиранских языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006.
  7. *Выдрин А.П.* Глагол в осетинском языке // Востокведение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей. СПб., 2014. Вып. 30. С. 25-81.

8. Вахидов А.А. Причастия в современном персидском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.
9. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
10. Русская грамматика. В 2-х т. М., 1980. Т. 1. Фонетика. Словообразование. Морфология.
11. Таказов Х.А. Категория глагола в современном осетинском языке: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1992.
12. Тедеев Г.З. Семантическая структура осетинского глагола. Тбилиси, 1989.
13. Техов Ф.Д. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси, 1970.
14. Сатцаев Э.Б. Временные формы глагола в иранских языках (осетинском и персидском) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 358.
15. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Синтаксис / Под общей редакцией Л.А. Новикова. СПб., 2003.